

Надежда Волгина

Обаятельный
нашлец

Несносные олигархи

Надежда Волгина

Обаятельный наглец

«Автор»

2019

Волгина Н.

Обаятельный наглец / Н. Волгина — «Автор»,
2019 — (Несносные олигархи)

Может ли Золушка подстрелить миллиардера? Да запросто! Особенно, если примет за бомжа. Все ли в жизни покупается и продается? Он считает, что да. А ей предстоит ему доказать обратное. Бывают ли наглецы обаятельными? Оказывается, бывают. Но это ничего не значит, как и его миллиарды. Ее любовь нужно заслужить, а не стараться купить! В оформлении обложки использованы фото со стока фотографий и изображений shutterstock.

© Волгина Н., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1

Михаил

– Михайло, как брат?

– Лучше, Сергеич, спасибо! Состояние тяжелое, но стабильное. И прогнозы врачи дают оптимистичные.

Как только позвонила жена брата, Светлана, и сообщила, что тот попал в аварию, так Михаил все бросил и прилетел в Норильск. Случилось это три дня назад. Два дня брат находился в коме, и врачи усиленно боролись за его жизнь. Сейчас утверждают, что угроза жизни миновала, хоть и оправится от черепно-мозговой травмы брат не скоро. Но даже этому Михаил был рад. Потерять единственного брата – о таком было даже страшно подумать. И пусть видел он того не часто, но роднее него не было человека.

– Давай! За здоровье твоего брата! – поднял заместителя губернатора рюмку. – Пусть здравствует на радость нам всем. Парень он хороший, хоть и не в пример тебе.

Развивать эту тему Михаил не стал. Брата своего любил нежно. Да и этого сурового мужчину, что сидел сейчас напротив него за богато накрытым столом в пустом зале ресторана, тоже. Сергеича он знал еще со времен своего становления, и помог тот ему здорово. Вот и не упустил возможности встретиться и посидеть по-дружески, раз в кои-то веке выбрался сюда из столицы.

– Отличный ты мужик, Михаил, – еще через какое-то время и пару рюмок рука заместителя губернатора хлопнула по столу не хуже той кувалды, – но как руководитель слишком беспечен.

– В каком смысле Сергеич? – хохотнул Михаил.

Давненько он так не набирался. Но в компании Сергеича по-другому не получалось. Пить тот был горазд и отказы не принимались.

– Ну вот вроде руководишь такой машиной. Магнатище, можно сказать! А что у тебя под носом творится и не знаешь.

– Ты это о чем, Сергеич? – нахмурился Михаил, заставляя крутиться шестеренки в голове. Правда, подчинялись те плохо, скорее вяло ворочались, а не крутились.

– Да я все о том же, – сыто и пьяно откинулся заместитель губернатора на спинку стула. – Чем выше человек поднимается по социальной лестнице, тем больше из него тянут его же подчиненные. Кругом коррупция и воровство, как ни крути. А тебя, поди, объегоривают еще как. Ты ж у нас где? Правильно – на самом верху этой лестницы, практически небожитель, – рассмеялся Сергеич.

– Сергеич, говори толком, к чему эти намеки?

– Так а я и не могу толком, ничего же не знаю. Но вот ты сам на какой-нибудь из своих объектов давно выезжал? Хоть знаешь, что там творится?

– А зачем мне это? Работы идут. Если какие-то нестыковки, требующие моего вмешательства, мне сразу же докладывают. У меня целый штат серьезных и уполномоченных людей...

– Стоп, Михайло! Хочешь, докажу тебе твою несостоятельность? – облокотился губернатор на стол и впери в него слегка мутноватый взгляд.

– Ну попробуй, – усмехнулся Михаил.

– Ты хоть знаешь, что совсем рядом с Норильском есть нефтяной поселок, в пару десятков домов, – и он назвал его, – где установлены именно твои вышки?

Михаил напряг память, но о таком поселке даже не вспомнил. Первый раз о таком слышал. Но виду не подал, а лишь напустил на себя задумчивости.

– Ну и?.. Что ты хочешь этим сказать?

– А только то, друг мой, что постепенно все выходит из-под контроля, стоит нам только возомнить себя всемогущими.

Вот же, философ чертов! Михаил едва сдержал смех, но весь остаток вечера почему-то только об этом поселке и думал. И как случилось, что он понятия не имеет о его существовании? Нонсенс.

Думал он об этом и по пути в гостиницу. И надумал.

– Вели, чтобы приготовили вертолет, – позвонил и дал распоряжение.

– Когда, Михаил Евгеньевич?

– Сейчас.

– Погода вроде нелетная...

Лил дождь, но для осени это нормально.

– Ты хочешь сказать, что в дождь никто никуда не летает? И люди добираются на оленях?! – распаялся он все сильнее. – Чтобы через полчаса вертолет был готов! Я еду! – и отключился.

Совсем от рук отбились – в дождь они не летают.

Водитель развернул машину, и через двадцать минут они уже подъезжали к вертолетной площадке.

– Куда летим, Михаил Евгеньевич? – встретил его с зонтом один из работников службы безопасности, что сопровождали его в Норильск.

– Не летим, а лечу, – и назвал тот самый поселок.

– Мне по уставу не положено отпускать вас одного.

– Ладно, ты тоже летишь.

Спорить с ним себе дороже. Гучков – начальник службы безопасности потом устроит ему кузькину мать, за то что расхолаживает его сотрудников.

– А что мы там будем делать? – задал новый вопрос охранник.

– Инспектировать, – и совершенно не по-деловому икнул. Это же надо было так надраться!

Еще через час жуткой болтанки в небе вертолет приземлился на подобие площадки того самого поселка. Силуэты нефтяных вышек Михаил разглядел издалека.

– Куда дальше, Михаил Евгеньевич?

– В гостиницу.

Нет, ну право-слово, не являться же с личной инспекцией среди ночи! Кого там инспектировать – северных крыс? Или тут такие не водятся? Да и черт с ними!

– Вряд ли здесь есть гостиница, – проорал охранник, пытаясь перекрычить шум пропеллера и завывание ветра.

Слава богу, ледяной дождь перестал хлестать в лицо. И как тут люди живут только!

– Тогда, найди мне постоянный двор! – гаркнул Михаил.

Совсем страх потеряли – перестали подчиняться приказам.

Охранник отправился искать жилье на ночь глядя, а сам Михаил разговорился со сторожем, охраняющим площадку. И как выяснилось, офис-то его местный совсем рядом. До него рукой подать. А почему бы ему не прогуляться туда прямо сейчас? Ну и что, что ночь. Осмотрится, так сказать, на местности, чтобы завтра быть более подкованным.

Ника

– Ника! Возьми с собой Машку, мне так будет спокойнее.

– Хорошо, мам. Надеюсь, она меня не изуродует, – пробормотала уже самой себе.

И где эта полосатая коза? Опять в каком-нибудь портале прячется?

– Маша. Маша... – позвала, а в ответ тишина, лишь мама закашлялась в соседней комнате.

Но там Машки точно нет. Мама говорит, она вообще не любит ту комнату.

– Маша, Маша, Маша...

Послышался едва уловимый шорох, но Ника быстро вычислила место засады партизанки. Прячется на шкафу. И как ее оттуда доставать? А вон и ярко-зеленый глаз показался из-за коробки с елочными игрушками.

– Машуля, иди ко мне, – ласково так поманила Ника кошку, но та даже ухом не повела.

Эта кошка жила у них уже шесть лет. Мама подобрала ее лохматым плюющимся комочком, прячущимся за мусоропроводом, когда только переехала в поселок и получила эту квартиру. Из котенка выросла небольшая и очень свирепая тигрица. Никого к себе не подпускала, могла и изуродовать, если кому-то взбредет в голову шальная мысль погладить ее. Разве что маму терпела, да Нику вот еще, как особу, приближенную к фаворитке императрицы. Как вы понимаете, императрицей и полновластной хозяйкой в доме кошка считала себя.

Ника сбегала на кухню за кусочком салями – очень Машка любила это лакомство. Им и решила приманивать.

– А смотри, что у меня есть, – показала партизанке кусочек колбасы. – Хочешь? Иди и возьми, – опустилась на краешек дивана, демонстративно помахивая колбаской в воздухе.

Сработало, и кошка мягко спрыгнула со шкафа, а потом крадучись приблизилась к Нике и выхватила колбасу. А вот дальше пришлось действовать быстро. Пока злюка жрала лакомство, Ника принесла из коридора корзину и ловко засунула туда кошку. Осталось зафиксировать крышку и все – заяц в силках. Только никакой Машка не заяц, конечно, как бы мстить не надумала. Но тратить время еще и на эти размышления было некогда. Пора было мчаться на проходную, пока не закончилась смена. А потом начинается ее время, а вернее мамы – ночного сторожа, который внезапно слег с воспалением легких.

– Мам, я побежала. Машка со мной! – крикнула Ника из коридора.

– Дождевик надела?

Само собой, забыла. Схватив длинную непромокаемую накидку с вешалки и подцепив корзину с рычащей в ней Машкой, Ника покинула квартиру.

Ну и холодрыга! А ведь только середина сентября. Ника застегнула доверху куртку, надела на голову капюшон, а потом то же проделала с дождевиком. Неприкрытыми остались только лицо и руки, но последние она засунула в карманы поглубже. Вернее, одну, в другой держала корзину.

Топать ей предстояло через размытое дождем поле, но ноги надежно защищали высокие резиновые сапоги на толстой байке внутри.

Отвыкла она от сурового Севера за годы жизни в Москве, изнеженной стала. Но ничего – вспомнит быстро. Да уже вспомнила. Все же выросла в самом суровом климатическом уголке нашей страны, с детства закалена ветрами, дождями, снегом и морозами. И преодолеть пару сотен метров по непогоде и бездорожью для нее раз плюнуть. Ведь так?

Ника уговаривала себя, шагая через поле, стараясь не обращать внимания, что в половине седьмого уже темно как ночью, что под ногами чавкает холодная черная жижа, что дождь хлещет в лицо, жалея кожу как рой мелких пчел... Все это ерунда, а маме нужна помощь. И кроме Ники никто ей больше не поможет.

Пока добралась до сторожки, практически околела. Нет, все-таки, шесть лет столичной жизни изменили ее сильнее, чем показалось сначала. Ну и к маме она впервые за эти годы приехала в сентябре – самом дождливом тут месяце в году. Да и до этого всего-то раз выбралась, летом. А так, мама к ней приезжала дважды в год – напиться воздухом цивилизации, как выражалась сама, чтобы привезти его отголоски в их Тмутаракань.

Первым делом Ника выпустила уже орущую Машку. Та выгнула спину, распушила хвост, да как зыркнет на Нику. Ладно хоть не покусала, а сразу же юркнула за шкаф. И все же, с этой зверюгой было как-то спокойнее, чем одной посреди поля, с темнеющими за спиной силуэтами вышек. Ночью они напоминали огромных чудовищ.

Потом Ника сняла дождевик и повесила его сушиться. Отмыла от грязи сапоги и отправила туда же, под дождевик. И лишь потом поставила на плиту чайник, погрев какое-то время над огнем замерзшие пальцы.

Все! Теперь можно спокойно приступать к дежурству.

Дождь перестал, но ветер все продолжал завывать. Наверное, нагонит новую волну осадков, а пока навевал в мысли всякие страшилки.

И как мама только может тут работать? Ведь шесть лет назад она все бросила в городе и согласилась переехать в нефтяной поселок. С тех пор и работала посменно ночным сторожем за довольно приличное вознаграждение. Тут у всех были огромные зарплаты, раз даже сторожа себя обиженными не считали. Но раз уж хозяин всего этого – нефтяной магнат такой щедрый, то почему дороги-то в поселке не сделает нормальными? Сколько можно людям грязь месить?

Чайник закипел, и Ника заварила себе кружку крепкого чая, чтобы не уснуть. Днем поспать не получилось, и сейчас ее немного клонило в сон.

В сторожке имелся и выдавший виды телевизор, который она включила, настроив звук погромче. Конечно же, ничего приличного, какое-нибудь киношко, найти не получилось. По всем аж трем каналам показывали какую-то политическую ерунду, которая ее мало интересовала. Но как фон сгодится, ладно. Да и она с собой прихватила планшет, куда загодя скачала фэнтези про драконов. Эх, любила она читать про этих крылатых тварей – страстных, огненных и ненасытных. Сама не заметила, как погрузилась в чтение с головой. И телевизор не отвлекал.

Однако примерно через час появилась помеха извне – в дверь громко постучали. При этом Ника очнулась от дремы. Ей-то казалось, что она продолжает читать, а книга уже давно лежала на коленях, тогда как сама она удобно сопела на спинке дивана.

– Кто?! – вложила она в голос побольше властности, приблизившись к двери.

Хоть и стало вдруг страшно.

На эту сторону выходило всего одно окошко, но из него не получилось разглядеть пришельца.

– Открывай, дед! Замерз как черт!..

Дед? Ну знаете ли!.. Это уже ни в какие ворота не вписывается. У этого мужика что, искаженное восприятие звуков – по голосу не понял, что она никакой не «дед»?

Михаил

Мобильному человеку, к чьим услугам всегда и любой транспорт, будь то собственный спортивный автомобиль или представительская машина с водителем, любое расстояние кажется пустяковым. И не только в городе, но и между городами, когда есть личный самолет.

Михаил об этом как-то раньше и не задумывался, пока не решил прогуляться до офиса в нефтяном поселке, о котором и знать не знал раньше.

Ночь, шквальный ледяной ветер, практически срывающий крыши домов, заставляющий дребезжать все, что только может дребезжать. Под ногами чавкающая грязь. Его обувь явно не предназначена для таких прогулок. Ноги разъезжаются, скользко до охречения. Да и одет он не по погоде, как понял Михаил через сотню метров. Даже трезветь начал, и собственная затея уже не казалась удачной. А когда ноги провалились в грязь по щиколотку, то и вовсе захотелось вернуться. Остановило разве что упрямство и то, что половина пути пройдена. Впереди уже просматривались огни базы, и до них казалось рукой подать.

Одет он был тоже не по погоде. И не правду говорят, что пьяному море по колено. Ничего подобного! Михаил уже не знал, куда засунуть собственные руки, чтобы так адски не леденели на ветру. Тонкая куртка тоже плохо справлялась со своей задачей, а точнее, не справлялась совсем. Продувало ее насквозь, и Михаилу казалось, что из него уже не только душу выдул этот проклятый ветер, но и все внутренности.

А когда на подходах к сторожке он поскользнулся и упал в грязь, то и вовсе проклял все на свете. Наверное, был бы трезвый, сил подняться в себе уже не нашел бы. А суровая доза алкоголя в крови все же притупляла ощущения. Но ругался Михаил как сапожник и сам себя не узнавал.

Куда поперся на ночь глядя? А главное, зачем? Вот уж поистине пьянство делает людей глупыми! Ну отсиделся бы в тепле до утра, глядишь, и погода бы стала ласковее и терпимее к людям. А теперь еще и держать ответ перед Гучковым, как школьнику перед директором. Ведь тому уже поди доложили об исчезновении босса без сопровождения.

От всех этих мыслей, а еще больше от собственного грязного и нелепого вида становилось даже смешно. Если бы не было так чертовски холодно.

Единственное окно сторожки призрачно-уютно светилось, даря надежду на тепло и сушку. Отчего-то представился дедок, что сидит на корточках возле печки и подкидывает туда дровишки. В какой-то момент Михаил даже почувствовал на лице жар этой самой печки. Как в далеком детстве, в деревне у бабушки. И бабушки уже давно нет, и дом ее снесли лет десять назад, а воспоминания остались на всю жизнь. Любил Михаил пацаном проводить у нее лето.

Дверь оказалась запертой. Ну что ж, все правильно, все необходимые меры предосторожности соблюдаются.

Михаил постучал и испытал боль в побелевших костяшках – рук он уже практически не чувствовал. Авантюрист херов!

В доме царил тишина, на его стук никто не отреагировал. Уснул этот дед, что ли. А ветер только усиливался – с крыльца его уже практически сдувало. В ушах свистело так, что больше ничего он уже и не слышал.

«Голова – в холоде, живот – в голоде, а ноги – в тепле» – вспомнилась пословица. Хрень собачья! Его голова замерзла так, что и до какого-нибудь менингита не далеко. И мысли всякие идиотские в нее лезут в таком состоянии.

Пришлось колотить в дверь ногой, потому как силы его уже были на исходе. До чертиков хотелось в тепло и какое-то время не двигаться, оттаивать.

Наконец, сторож соизволил продрать глаза и проблеять с той стороны:

– Кто?

Ишь какой! А в глазок посмотреть не с руки? Или совсем ослеп на старости лет?

– Открывай, дед! Замерз как черт!.. – проорал Михаил в попытке перекричать ветер.

Какое-то время ответом ему служила тишина, а потом раздалось не менее громкое:

– Шла бы ты, бабуля, по добру по здорову!.. Это охраняемый объект и всяким оборванкам ночью тут не место!

Офигеть! И никакой это не дед! Девка что ли?!

– Дверь открой, кому говорят! Начальство с проверкой явилось!

– Начальство по ночам в теплых постельках спит. Слушай... иди домой-ка ты, пока я не сообщила куда следует...

– Да открой ты дверь, ненормальная! Смерти моей хочешь? – уже практически взмолился Михаил, чувствуя как рискует погибнуть на этом ветру.

Ника

Черт! Как же лучше поступить? С одной стороны, хозяин и собаку не выгонит в такую погоду, с другой – а ну как пришелец окажется невменяемым, грабителем или, не дай бог, насильником. Какого... его вообще сюда занесло в такое время? Да еще и про проверку какую-то плетет!

Но и оставить замерзать кого бы то ни было Ника не смогла. Затолкав страх подальше, она отомкнула замок и приоткрыла дверь в попытке в щелочку разглядеть пришельца. И тут же ее буквально отбросило этой самой дверью – с такой силой та распахнулась, впуская внутрь холодный ветер и грязного с ног до головы огромного мужика.

Ну точно! Бомж-грабитель или бомж-насильник! – мелькнула в голове шальная мысль и тут же взгляд упал на «пугач» дяди Сережи – маминого сменщика. Дробовик, заряженный обычной солью. Когда-то дядя Сережа купил его больше для развлечения, но и с практической целью.

– Мухи – зло. Они летают и жужжат, как маленькие самолеты. Жрут твою еду, оставляя в ней личинки. Садятся на твоё тело и трут своими мерзкими лапками. И скорость у них, как у истребителей. Гоняться за ними с мухобойками – не вариант. Но теперь у меня есть кое-что получше, что убивает мух наповал. Буду устраивать мушиное побоище, пока не отважусь их отсюда.

С тех пор дробовик тут и поселился, а мух и правда стало намного меньше.

Еще раньше, чем успела схватить оружие, Ника помолилась, чтобы то было заряжено.

Дальше все происходило стремительно. Двигал ею страх, что вытеснил все остальные чувства и мысли. Перед собой она видела зло, от которого нужно было если не избавиться, то хоть нейтрализовать его. Тем самым она обезопасит себя.

Когда мужик повернулся к ней со словами:

– Ты что творишь, идиотка... – договорить у него не получилось, потому что Ника пальнула в него из дробовика.

Не успело рассеяться облако солевой пыли, как она заметила тень, метнувшуюся со шкафа, а в следующий момент небольшая комната наполнилась страшными воплями, а мужик закрутился на месте, размахивая руками и пытаясь отодрать от своего лица Машку.

И тут на Нику снизошло озарение, что если она сейчас же что-то не предпримет, то полосатая защитница или убьет бомжа, или сильно покалечит. Ее и саму трясло мелкой дрожью, а он все продолжал орать как резанный и крутиться.

– Стоять! Замрите! – гаркнула она так, что не только его перекричала и заставила остановиться, но и стены сторожки, кажется, дрогнули. А когти Машки тоже, по всей видимости, сжались от страха или шока, и та отвалилась от лица бомжа.

Машка тут же шмыгнула под шкаф, а Ника невольно зажмурилась. И лишь через пару секунд рискнула приоткрыть один глаз, ожидая увидеть на месте мужского лица кровавое месиво.

Все оказалось не так страшно. Царапины на лице, конечно, были и местами довольно глубокие, особенно на шее. Но кровь не текла, разве что выступала кое-где капельками, что уже являлось хорошим признаком. А вот с глазами дело обстояло хуже, и вина в том была не Машкина. Видно, соль из дробовика попала ему в глаза, и теперь из них безостановочно текли слезы, а сам мужик не мог их приоткрыть, как ни старался. Фу! Какой же он мерзкий! Грязный с ног до головы. У него даже в волосах грязь. И где только валялся?

– Ты меня ослепила, идиотка! – прорычал он и прижал пальцы к глазам.

– От соли еще никто не ослеп, – пробормотала Ника и на всякий случай добавила: – кажется... Идемте, – направилась в сторону ванной. Нужно было его умыть как следует, а потом обработать раны, хоть и касаться его было противно.

– Куда?! – заорал он совсем дурным голосом и завертел головой по сторонам. – Я же ничего не вижу.

Пришлось перебороть брезгливость и взять его за руку.

В ванной Ника довольно бесперемонно заставила его склонить над раковиной голову и принялась отмывать теплой водой его лицо от грязи, соли и крови. Противно было касаться его кожи, но об этом она старалась не думать. Как и не слышать того, как он приглушенно постанывал. Понятно, что больно, и радуется, что не блеет в голос. А еще от него разило спиртным, отчего Нику уже подташнивало. Алкаш, бомж и идиот! Дернул черт его прогуляться до базы именно в ее смену!

Сунув мужику в руки полотенце, Ника скомандовала:

– Идите за мной, нужно обработать раны...

Сама быстро вернулась в комнату, слыша его шаги за спиной. Нельзя поворачиваться к врагу спиной. Оставалось надеяться, что он ничем не огреет ее по голове. Хотя, зачем это ему? Он сейчас явно не в том состоянии, когда насилуют. И выносить отсюда нечего, разве что кроме дробовика дяди Сережи. Кстати, о птичках! Пока бомж не появился в комнату, она быстро спрятала оружие под стол.

– Сюда, – указала она на стул и полезла за аптечкой, невольно подметив, что глаза у него хоть и красные и припухшие от соли, но необычного синего цвета.

– Что за зверь у тебя тут? – раздался его уже спокойный голос, и Ника выглянула из-за дверцы шкафа.

Мужик сидел на стуле и продолжал прижимать полотенце к лицу. Сейчас Ника обратила внимание и на то, что стрижка у него довольно стильная, чего не заметила раньше. Да и не мудрено – он же был лохматый как черт. А еще грязный. Сейчас хоть цвет волос проявился – темно-каштановый. Странный какой-то бомж. Пьяный, со стильной стрижкой, пахнет явно дорогим парфюмом, как уловила в ванной даже через алкогольную вонь, и одет довольно дорого. Откуда он такой взялся и где валялся, прежде чем припереться сюда?

– Кошка моя, – ответила, взяла вату с антисептиком и закрыла шкаф.

– Такая же дикая, как хозяйка.

– От дикого слышу, – выхватила она полотенце из его рук, чем заставила поморщиться. Поделом, если больно, будет держать язык за зубами. – Я вас в гости не звала, – щедро смочила она тампон антисептиком и припечатала к первой попавшейся царапине.

Не так страшно все, как могло показаться сначала. Прямо царапин всего пара штук. Чуть больше следов от когтей, где Машка впивалась в его кожу. Они и кровоточили сильнее. Но заживут быстро и на внешности его это не отразится никак. Хм... гладко выбрит, однако. Может он никакой и не бомж. Да и какая разница! Хрен редьки не слаще – и его в любом случае сюда не звали.

Мужик сидел с закрытыми глазами, чему Ника даже рада была. Совершенно не хотелось, чтобы он еще рассматривал ее, когда она так близко. Да и пора заканчивать разводить лазарет. Раны обработаны, жить будет.

В тот момент, когда она складывала все в шкаф, дверь в сторожку распахнулась, и на пороге появились два амбала.

– Где он? – пробасил один из них, глядя на Нику глазами-сканерами.

– Кто? – испуганно пискнула.

Господи, ей так страшно не было, даже когда стреляла в бомжа.

– Казанцев...

– А кто это?

Второй амбал молча обошел ее, и Ника невольно проследила за ним взглядом, выглядывая из-за дверцы шкафа. От страха она словно приросла к полу и не могла сдвинуться с места.

А бомж, тем временем, мирно посапывал, удобно устроив голову на столе.

– Михаил Евгеньевич, проснитесь, – со всем почтением тронул амбал бомжа за плечо, и тот недовольно отмахнулся. – Михаил Евгеньевич, надо ехать...

Тот разлепил глаза, и Ника в который раз убедилась, что они у него ярко-синие.

Михаил Евгеньевич? И столько почтения в голосе. Сдается ей, что это точно не бомж.

На нее никто не обращал внимания, и она этому была даже рада. Стояла себе тихо как мышка, прячась в шкафу и терпеливо ждала, когда мужик поднимется со стула и пошатываясь, поддерживаемый амбалом, направится к двери. И все же, поравнявшись с ней, он остановился и произнес:

– С тобой мы еще побеседуем.

Ничего лучше, чем затравленно кивнуть, Ника не придумала. Выдохнула, когда трое пришельцев покинули сторожку, и на цыпочках просеменила к двери. От крыльца отъезжал огромный черный внедорожник, разбрызгивая грязь во все стороны. Вот тебе и бомж!

Глава 2

Михаил

Звонок мобильного врвался в сонное сознание надоедливо и долго, пока Михаил не заставил себя проснуться и не нащупал взглядом свой телефон на обшарпанной тумбочке рядом с кроватью.

– Алло, – прохрипел в трубку, едва разлепив спекшиеся губы.

Пить хотелось нестерпимо, и совсем рядом с кроватью, на колченогом столе он разглядел графин с водой, что показался ему в эту минуту манной небесной. Но до него еще предстояло дойти. И сложнее всего было заставить себя встать.

– Миха, ты что творишь! – взревела у уха трубка, и Михаилу пришлось отодвинуть ту подальше, чтобы не лопнула голова.

– Витя, полегче, не ори... – переключил он телефон на громкую связь и положил на стол, до которого все же доковылял по пыльному и холодному полу.

Осталось не расплескать всю воду, которая ну никак не хотела попадать в стакан. Тогда Михаил плюнул и припал прямо к графину.

– Ты почему нарушил режим сопровождения и удрал от ребят? Да еще и пьяный в стельку! Почему отключил мобилу? Нафига вообще поперся в этот поселок?..

Пока Гучков монотонным голосом перечислял все его грехи, удалось-таки утолить жажду. И сразу же закружилась голова, и Михаил поспешил вернуться в кровать.

– Выпили со старым другом и тот взял меня на слабо. Телефон разрядился, – вспомнил, что случилось это еще в вертолете. Как он вообще не потерял тот, когда вываливался в ледяной грязи? – Вить, успокойся. Я жив, здоров... Только, где я?

Он осмотрел комнату, в которой кроме узкой кровати, тумбочки, покосившегося шкафа и такого же стола больше ничего не имелось. Кругом царило какое-то запустение, словно в комнате лет сто никто не обитал. С углов свисала паутина, и окно было покрыто столетней пылью, как и пол, и все остальные поверхности. Разве что постельное белье выглядело вполне чистым и свежим, да вода в графине показалась Михаилу райским нектаром. Хотя, наверное, выпей он сейчас из лужи, вряд ли почувствовал разницу.

Прежде чем ответить, начальник службы безопасности басисто рассмеялся.

– В клоповнике ты, Миха, в общаге вахтовиков. Помнишь, что такое общага?

– Смутно, – ответил, откидываясь на подушку.

Общая кухня с вечно полным и воняющим мусорным ведром. Один туалет на этаж в конце коридора, грязный и пахнущий хлоркой. Рядом душевая со сломанными кранами... Да, оказывается, он это помнил с далеких студенческих времен.

– Извини, но гостиницы в твоем поселке нет, и на постой никто не пускает. Хорошо, ребята хоть про общагу узнали. И ты не ответил на вопрос – зачем туда поперся на ночь глядя и в непогоду? Кстати, ты в курсе, что у вас там штормовое предупреждение на три дня вперед, и вылететь обратно ты сможешь не раньше, чем утихнет шквальный ветер?

– Черт! – выругался Михаил. Вот и расплата за глупость.

Это он попал, конечно, оставалось радоваться, что хоть связь есть. Как-то не учел он, что находится в богом забытом месте, на краю земли. Черт! Как же паршиво... И события прошедшей ночи постепенно всплывали в памяти.

Кажется, его вчера подстрелила какая-то пигалица, на его же объекте. Кстати, что она вообще там делала ночью? А еще пыталась изуродовать дикая кошка. Или не пыталась? Зеркало тут, вообще, есть, в этом отстойнике?!

Зеркала не было, как показал беглый осмотр. И где его одежда? Не в трусах же он сюда пришел. Только вот эту часть ночи уже вспомнить не получилось.

– Вить, пришли мне всю инфу про этот объект, – попросил Михаил и поморщился от нового приступа боли, прострелившего голову. – Особенно интересует...

И он вкратце рассказал о девушке, которая почему-то дежурила вместо ночного сторожа, не вдаваясь в подробности, конечно. Да и подробности начальнику СБ уже и без него доложили.

– Узнай про нее как можно больше, все, что сможешь. Вплоть до того, какое нижнее белье предпочитает. И как можно быстрее.

– К обеду жди досье. А пока, давай, приводи себя в порядок. Постараюсь еще решить вопрос твоей транспортировки в цивилизацию.

После разговора с Гучковым Михаил снова припал к графину с водой, чувствуя, как на этот раз вода растекается живительной влагой по внутренностям и хоть частично возвращает утраченную бодрость. А потом позвонил Светлане – жене брата, предупредить, что на какое-то время задержится по делам, и справиться о состоянии брата. Собственно, там пока никаких перемен не наблюдалось – брат все еще был в коме. Да и врачи сказали, что с неделю точно выводить его из нее не будут. Главное, что состояние было стабильным, и хуже Андрюхе не становилось.

Одежду свою Михаил нашел в шкафу, аккуратно развешенную на плечиках и совершенно непригодную к носке. Вся заляпанная грязью выглядела выглядела та, мягко говоря, не очень. А еще дико хотелось в душ. Полотенце хоть можно раздобыть здесь? Или это тоже из области фантастики, как и приличные условия обитания?

За дверью дежурил один из его охраны, который сразу же вскочил со стула при его появлении и вытянулся по струнке.

– Доброе утро, Михаил Евгеньевич! – отрапортовал тот, и снова Михаил поморщился.

Что ж они все так орут? И можно ли назвать такое утро даже с натяжкой добрым?

– Как зовут? – спросил и чуть не рассмеялся над абсурдностью ситуации.

Перед охранником, одетым с иголки во все черное, он стоял в одних боксерах, что единственные из одежды были чистыми.

– Геннадий.

– Вот что, Ген, раздобудь мне все необходимое для душа. А еще одежду... И найди место, где можно позавтракать.

– Будет сделано.

Молодец Гучков! Ребят своих вымуштровал отлично. Ни единого лишнего вопроса, исполнительность стопроцентная. Уже через пять минут он стоял под упругими струями воды, смывая с себя остатки похмелья. И душевая оказалась неожиданно чистой, не в пример той же комнате, в которой провел ночь. Еще бы не было так чертовски холодно. На улице опять завывал ветер, и даже в душевой сквозило со всех щелей.

Вернувшись из душа, на кровати Михаил обнаружил всю необходимую одежду. Конечно, от последнего писка моды или хоть какого-то захудалого бренда та была далека, но все новое и ему по размеру. И тут парни сработали на «отлично». Нужно будет распорядиться о поощрении, когда вернутся из поездки.

А теперь надо позаботиться о плотном завтраке и подумать, чем займется в этой деревне, раз уж вынужден тут застрять на какое-то время.

Ника

– Мам, я пришла! – крикнула Ника с порога.

Как же она замерзла! Еле до дому дошла. Никогда еще, кажется, не было такого ветра. Она буквально ложилась на него, и все равно чуть ли не сдувало назад. А еще и Машку прихо-

дилось тащить. Нет, в следующий раз отправится без балласта. Хоть Машка и проявила себя, как настоящий герой или тигрица.

Воспоминания о прошедшей ночи никак не шли из головы. Любопытство прогнало страх, и теперь очень интересно было узнать, кто же такой важный забрел вчера в сторожку, и почему он выглядел как бомж?

– Замерзла? – выглянула мама из кухни. – Дуй шementом в душ, грейся!

– Mam, а ты почему не в постели?

– Доча, ну я же не инвалид, и сегодня мне гораздо лучше. Уколы помогают. Я завтрак готовлю, чтобы тебя накормить. Голодная, поди?

– Еще какая! Ладно, я в душ, а потом сделаю тебе укол.

В душе Ника размышляла, что к столь ранним холодам оказалась не подготовленной. А пробыть с мамой ей еще придется недели две, если не больше, пока та полностью не поправится. И пусть у нее не было лишних денег, но придется часть из них потратить на более теплую куртку, желательно на меху, да чтоб попу прикрывала. А то так и самой заболеть не долго.

– Mam, поехали со мной, а? – в очередной раз заговорила Ника на тему переезда. – Ну сколько ты будешь жить тут одна и так далеко от меня?

Укол она ей сделала, радуясь, что те ей помогают, и мама уверенно идет на поправку. Только вот это мысль не оставляла в покое.

– Я не одна. Есть тетя Галя и дядя Митя. Племянники, внучатые племянники... Да у нас родни тут пруд пруди.

– Где тут, мам? Все они в Норильске, а ты черте где. Тут даже дорог нормальных нет!

Да, в Норильске жили мамин брат с сестрой, с семьями. Но виделись они очень редко, когда мама выбиралась в город. Разве что, чуть чаще, чем Ника виделась с ней.

– Не поеду я, доча, никуда. И хватит уже заговаривать на эту тему. Тут твой папка похоронен, и одного его я точно не оставлю.

Эх... Папка. Он умер, когда Нике было двенадцать лет, но до сих пор она помнила его запах и тепло рук. А еще его смех и то, как он умел шутит. Помнит, как тяжело маме было после его смерти, и наверное, только то, что она была у нее на руках маленькая, помогло ей выжить, не сломаться. И маму она понимала – пусть и не чаще двух раз в год, но та бывала на могиле папы. А если уедет в Москву, то постепенно о нем все забудут.

– Лучше расскажи, как прошло дежурство? – улыбнулась мама, подкладывая ей оладий.

– Ой, да умора просто!..

И Ника рассказала. По мере ее рассказа лицо мамы вытягивалось все сильнее.

– Ты с ума сошла! – вскричала она. – Ты зачем егопустила?! По инструкции, в случае чего подозрительного нужно вызывать охрану по сигнальной кнопке. А ты еще и палила в него! – всплеснула мама руками. – А если бы он тебя обидел?

– Но не обидел же. Да и со мной была Машка, – угрюмо отозвалась Ника.

Про сигнальную кнопку она даже не вспомнила и сейчас подумала, что случиться могло все что угодно. Слава Богу пронесло.

Несмотря на сонливость, Ника решила прогуляться да местного универмага – единственного промтоварного магазина в поселке, куда два раза в неделю поставляли товар из Норильска. Раз решила купить куртку, не стоит с этим делом затягивать. Вряд ли в последующие дни станет теплее.

А на улице творилось светопреставление какое-то. Ветер не то что не утих, а еще и усилился. И дул он порывами, во время которых в буквальном смысле слова нужно было за что-то держаться, чтобы не снесло. И какой же он ледяной. Если так и дальше пойдет, то к вечеру еще и снег пойдет – температура заметно упала.

Конечно, после столичных магазинов выбрать в местном универмаге было практически не из чего. Подходящих курток висело на вешалках всего пару штук. Но зато нашелся размер

Ники и парка, как она хотела. Ну а то, что цвет желтовато-болотный, переживет, не на подиуме дефилировать.

В магазине и переделалась. А на выходе ее остановил амбал, подозрительно похожий на тех двух, что заявили ночью за бомжом. Но этот был не из тех.

– Вероника Юрьевна, пройдите, пожалуйста со мной.

И под локоток ее взял, да так вежливо.

– Еще чего! – освободилась она от захвата и отступила на шаг. – Кто вы такой? И почему я должна с вами куда-то идти? И откуда вы знаете мое имя?

– Кто я, не имеет никакого значения. А с вами хочет переговорить один очень важный человек. И он ждет вас в машине, – кивнул на стеклянную дверь.

Ну точно – этот тоже из вчерашних братков. У магазина стоял тот самый внедорожник, что разбрызгивал не так давно грязь возле сторожки, и куда погрузили пьяного бомжа. Но при чем тут она?

– Послушайте, он жив и практически не пострадал. Произошло недоразумение, на него напала моя кошка. А она терпеть не может пьяных и агрессивных...

– Вероника Юрьевна, мы теряем время. Поверьте, вам ничего не грозит. Хозяин хочет просто поговорить.

– Да о чем мне с ним разговаривать?! – вспыхнула Ника и невольно повысила голос, хоть и не собиралась привлекать к себе внимание.

Городок маленький, здесь все друг друга знают. А сплетни маме точно ни к чему.

– Это он вам сам скажет, – все так же безэмоционально произнес амбал и снова протянул руку.

– Не трогайте меня! – дернулась Ника. – Сама пойду.

Видно, придется подчиниться, чтобы не скандалить на глазах немногочисленных посетителей магазина и продавцов.

Михаил

Внедорожник притормозил перед единственным баром-столовой в поселке под незамысловатым названием «Уют». На улице творилось что-то невообразимое – дул какой-то сумасшедший ветер, не только срывая последние листья с деревьев, но и ломая мелкие ветки. Сами же деревья опасно кренились под сильными порывами. Если так и дальше пойдет, то скоро ветер начнет и их с корнями выкорчевывать.

Редкие прохожие передвигались перебежками, прячась от порывов ветра, кто где мог и успевал.

– Дурдом какой-то, – пробормотал Михаил.

В Норильске он был не в первый раз, но на такой катаклизм еще не попадал. От серости, что висела в воздухе, и остаточного похмельного синдрома настроение было, мягко говоря, не очень. Черт дернул его прилететь сюда. Теперь вот расхлебывает – застрял тут на три дня, как минимум, пока не изменится погода. Гидрометцентр подтвердил прогноз Гучкова. Оставалось надеяться, что через три дня он сможет улететь, и погода не испортится еще сильнее.

Охранник, что выполнял роль водителя, повернулся к сидящему рядом с ним искомандовал:

– Зачистить помещение!

А потом характерно посмотрел на того, что сидел рядом с Михаилом, и кого звали Геннадием. Гучков настоял, чтобы сопровождали его трое. И переспорить начальника службы безопасности у Михаила так и не получилось. Как будто Норильск – горячая боевая точка, честное слово.

– Стоп! – вовремя спохватился Михаил, когда бойцы синхронно взяли за ручки дверей. – Что вы собираетесь делать? – обратился к тому, кто тут был главным.

– Освободить помещение столовой, Михаил Евгеньевич. Так положено по инструкции...

– Какая еще инструкция? – он голову отвинтит Гучкову, точно! – Тебя как зовут? – обратился к водителю.

– Артем.

– Так вот, Артем, мы не на войне и там, – кивнул на довольно симпатичное застекленное здание, – сидят не боевики. Там завтракают обыкновенные работяги, которые скоро заступят на смену. Это рабочий нефтяной поселок, а не место ведения боя.

– Но у меня инструкция...

– Ты меня не слышишь, Артем?! – повысил голос Михаил, хоть до этого и говорил спокойно. – Я – твоя инструкция на ближайшие несколько дней. И мы идем завтракать.

Он первый вышел из машины под ледяной ветер, но сразу же оказался в кольце охраны. Поморщился, но ничего говорить не стал. Об этом он поговорит с Гучковым, потом. Да и ребята эти были толковые, обученные, разве что, слишком рьяные, на его взгляд.

Столовая встретила полумраком, да и народу тут было не много в эти утренние часы. Занятыми оказались всего пара столиков, и Михаил распорядился:

– Займите с ребятами вон тот столик, – указал в правый конец зала. – А я сяду за этот, – ткнул в тот, что находился ближе всего к ним, слева. – Мне нужно поработать. И возьми мне то же, что себе, – велел Артему, по раздаточной стойке догадавшись, что официантами тут и не пахнет.

Еще в машине он увидел входящее сообщение от Виктора. Должно быть, тот выполнил его просьбу и собрал информацию на девчонку. Михаил еще и сам не понял, зачем ему это нужно. Но та, что ночью его сначала едва не изуродовала, а потом сама же и лечила, не шла из головы. Хотелось узнать про нее побольше. Конечно, никакой вендетты он не замыслил, скорее информацию затребовал от скуки. Ну надо же хоть чем-то тут заниматься, не торчать же целыми днями в «клоповнике», как выразился Гучков, и с чем Михаил был совершенно согласен.

Пюре с котлетой, салат из свежей капусты, хлеб и компот – давненько он не ел ничего столь незамысловатого. Даже смешно стало, а мысленно словно вернулся в студенческие времена, когда они с Гучковым жили и отрывались в почти таком же, как тут, клоповнике, а питались такими вот котлетами в студенческой столовке. И от воспоминаний странным образом потеплело на душе. Не потому ли, что всплыли те из времен, которые можно было назвать беспечными и бесшабашными?

Ладно, излишнюю сентиментальность Михаил уже давно не подпускал к себе. И сейчас не собирался изменять собственным же правилам. Открыв почту от начальника службы безопасности, он принялся читать довольно краткую сводку о вчерашней незнакомке.

Багрянцева Вероника Ивановна, двадцать семь лет. Родилась в Норильске, где и закончила школу. Отец умер давно. Есть только мать. А вот это вот уже интересно! – Михаил вчитался внимательнее в досье. Оказывается, это ее мать работает у него на объекте ночным сторожем. Что же тогда дочка делала в сторожке режимного объекта?

Ладно, читает дальше, думать будет потом...

После школы уехала поступать в Москву. Выучилась на ботаника. Вот тут Михаил не выдержал и рассмеялся, привлекая к себе внимание не только собственной охраны, но и немногочисленных посетителей кафе. Ну кто бы сомневался! Она же вылитый ботаник, только очков не хватает. Мог бы и раньше догадаться.

Хорошо, что там дальше?

Эта Вероника хоть и выучилась на ботаника, но посвящать свою дальнейшую жизнь науке отказалась. Прошла углубленные курсы флористики и сейчас работает как фрилансер.

То бишь, строит собственный бизнес в соцсетях. Клиентская база довольно внушительная. Сотрудничает с несколькими цветочными базами столицы...

О чем это говорит? Да о том, что девушка не любит подчиняться кому бы то ни было. Интересная, хоть и не редкая, особенность характера. И в ее наличии Михаил уже тоже убедился на собственном опыте, достаточно было хоть и смутно, но вспомнить события минувшей ночи.

Дальше шли отзывы клиентов. Тут ничего интересного.

Михаил закрыл почту и задумался. При этом машинально поедая пюре с котлетой, которые, надо отдать должное повару, оказались довольно вкусными. Как и салат, где было в меру соли и уксуса, все как он любил.

Флорист, значит, фрилансер. Звезд с неба не хватает, но и на жизнь себе зарабатывает достаточно, чтобы не испытывать нужду. Мать живет далеко, и навещает Вероника, должно быть, ее не часто. Опять же, работа ее удобная с точки зрения непривязанности к строгому графику отпусков.

А что же с личной жизнью? Михаил набрал номер Гучкова.

– Вить, информация не полная.

– Знаю. Выясняю, чем она живет. На это нужно чуть больше времени. Не хочешь сказать, зачем тебе это нужно?

– Сам пока не знаю, но выясни, пожалуйста.

– Через пару часов пришло...

Вот и отлично! Сам же он пока побеседует с девушкой. Коль уж ему предстоит торчать тут какое-то время, то лучше он будет делать это в приятной компании. И компания Вероники с каждой минутой все больше казалась ему именно такой. Он и сам не понимал, чем так сильно она его зацепила, но хотелось узнать ее поближе. А еще рассмотреть как следует, потому что воспоминания о ее внешности тоже были какими-то расплывчатыми. Помнит только, что волосы у нее светло-русые с рыжинкой. И глаза показались ему огромными. А вот какого они цвета, не помнит.

Ника

За широкой спиной амбала хоть ветер не так сдувал, и это был единственный плюс в сложившейся ситуации. Того, кто сидел в тонированном джипе, она не видела. Встречи с ним не желала всеми фибрами души. А еще немного боялась, сама не знает чего.

Амбал распахнул заднюю дверцу, и тут же поступил приказ:

– Погуляйте по магазину, ребята. Может, что прикупите себе.

Последняя фраза сочилась сарказмом, а голос говорившего Ника сразу узнала. Ночной гость собственной персоной. Оставалось надеяться, что он уже протрезвел.

Как только раздался приказ, так сразу же распахнулись две передние дверцы, и в двух появившихся амбалах Ника узнала вчерашних братков. Тяжкий вздох вырвался из груди, и сбежать захотелось еще сильнее. Она еще и останется наедине с пришельцем. Ну вот зачем ей это нужно? И могла ли она не подчиниться? Не могла, как выяснилось сразу же, когда ее сопровождающий взял под локоток и помог усесться в машину.

Салон автомобиля встретил полумраком, теплом и приятной смесью запахов кожи и ароматизатора.

Мало того, что глаза надуло ветром, так еще и темнота салона сделала ее на время слепой. И только Ника начала адаптироваться в попытке рассмотреть того, кто сидел рядом, как что-то щелкнуло, и салон залил яркий свет.

– Зачем? – простонала она, прикрывая глаза рукой.

– Чтобы рассмотреть вас как следует, – раздался рядом насмешливый голос, а потом мужчина и придвинулся к ней ближе.

Это Ника почувствовала по едва уловимому теплу, коснувшемуся лица.

Она рискнула убрать руку от лица и приоткрыть глаза. Свет уже не казался таким ярким, а уютно заливал салон машины и нежно оттенял его начинку. Ну и конечно же, того, кто сидел слишком близко. Так близко, что Ника вынуждена была отодвинуться. Однако, попытка оказалась почти бесполезной, а расстояние между ними практически не увеличилось. В спину ей и так уже упиралась ручка двери.

– Вот, значит, вы какая – Багрянцева Вероника Ивановна, – произнес мужчина и к ее облегчению сам немного отодвинулся, откидываясь на спинку сидения.

А вот руку свою он, напротив, закинул на ту, и теперь она касалась плеча Ники, что нервировало.

– Не могли бы вы меня не трогать, – дернула она плечом. – И откуда вы знаете мое имя? Кажется, ночью я вам не представилась, как и вы мне. И главный вопрос – о чем вы хотели поговорить? У меня не так много времени.

Тут она, конечно, лукавила, потому что заняться в поселке было нечем, а сколько можно хлопотать по дому? Разве что, ей очень хотелось спать после дежурства, прямо глаза слипались.

– Сколько сразу слов, – усмехнулся он и нажал на какую-то кнопку на своей двери. – Это чтобы вы не сбежали.

– Я и не собираюсь. Вы же не дурак, чтобы похищать меня, – настала ее очередь усмехаться.

Плевать ей было, кто он такой и сколько у него денег. В том, что много, Ника даже не сомневалась. Вчера, в сторожку, угораздило забрести одного из представителей той прослойки общества, к которой она не испытывала уважения. Все они считают, что богатство делает их выше остальных людей и позволяет творить то, что другим неподвластно. Она же на этот счет была совершенно иного мнения.

– Как насчет того, чтобы помочь друг другу? – проигнорировал он все ее вопросы и задал свой.

– В чем именно? И мне ваша помощь не нужна.

– Еще как нужна, – кивнул он, а его чувственные губы снова растянула ухмылка.

Сегодня он выглядел несколько иначе, нежели ночью. От неряшливости не осталось и следа. Несмотря на простенький джемперок и обычные голубые джинсы, в этом мужчине угадывался лоск. Каждое движение дышало уверенностью, а в синих глазах сквозила властность, даже когда он усмехался. Он привык приказывать и от всех ждал подчинения. Но она не обязана этого делать, потому что для нее он не больше чем случайный знакомый.

– О чем вы? – гордо выпрямила спину, чтобы глаза стали на одном уровне с его. Смотреть на него снизу вверх было унижительно.

– Я прощу вам самовольное вторжение на режимный объект. Вы за это проведете со мной все то время, что я буду находиться в поселке.

Ника аж задохнулась, то ли от неожиданности его предложения, то ли от возмущения. Какое-то время пыталась справиться с дыханием и подобрать слова. Он же все это время молча разглядывал ее, и взгляд его не выражал ничего, кроме холодного любопытства.

– А могу я поинтересоваться, кто вы такой, чтобы что-то мне прощать? – взглянула Ника на него в упор, чувствуя, как от возмущения кровь пульсирует где-то в районе ушей, а щеки уже нешуточно пылают.

– Казанцев Михаил, вам это о чем-то говорит?

– Совершенно ни о чем.

И тут она лукавила, потому что эти имя и фамилию где-то точно слышала или видела. Только вот где, не помнила. Но, должно быть, личность он известная и не в узких кругах.

– Ну тогда, гугл вам в помощь, – усмехнулся он. – Не привык к самопрезентациям, знаете ли. А сейчас советую вам поверить мне на слово, что все, что я сказал до этого, не пустые угрозы.

– Моя мама больна, и найти ей замену в поселке практически невозможно. Я специально приехала из Москвы, чтобы поддержать ее...

Ника не пыталась оправдаться, а лишь хотела достучаться до разума этого избалованного жизнью мужчины. Она не боялась его угроз, но те были ей неприятны. И очень не хотелось, чтобы из-за этого у мамы были потом проблемы. Ведь если он может и захочет испортить им жизнь, у него наверняка это получится.

– Ваша мама получит самый хороший уход на время вашего отсутствия. На работе ей тоже найдется замена, уж поверьте. Как и в то, что мне вы сейчас нужнее, – без тени улыбки кивнул он.

– Да о чем вы говорите?! – невольно повысила Ника голос. – Что значит, я вам нужна? И что конкретно вы мне предлагаете?

– Я вам предлагаю стать моей собственностью на несколько дней за очень приличное вознаграждение. Не спешите отказываться! – остановил он готовую возражать Нику. – Даю вам три часа на обдумывание. Взвесьте все как следует и примите правильное решение.

– Вам скучно, и вы решили купить себе игрушку? – тихо спросила Ника после непродолжительной паузы, в течение которой уговаривала себя не нервничать.

Раскричись она сейчас, распахнись, ни к чему хорошему это не приведет. Да и не умела она так – брать нахрапом. Жизнь приучила ее прежде думать, а уж потом принимать решения. Наверное, потому и согласилась взять предложенный таймаут. А еще потому, что что-то ей подсказывало – такие, как этот богач, своих решений не меняют.

– Если вам хочется думать именно так, то думайте, – улыбнулся он.

– А я могу думать иначе?

– Наверное, не можете, – настало его время брать паузу на обдумывание. – Как бы там ни было, от вашего решения сейчас зависит многое.

– И вам не стыдно прибегать к шантажу на ровном месте? Я ведь вам не сделала ровным счетом ничего.

– Не считая того, что вчера я едва не замерз по вашей милости. Потом вы в меня стреляли, а ваша кошка и вовсе пыталась меня убить. Как мне кажется, ваше «ровным счетом ничего» тянет на приличный тюремный срок.

– Вы же это сейчас говорите не серьезно?

Нет, ну правда – не может же он всерьез предъявлять ей эти претензии.

– Вполне серьезно. У меня есть рычаги давления на вас, которыми я собираюсь воспользоваться. В ваших же интересах принять мое предложение, которое, к тому же, принесет вам ощутимую выгоду.

На последних словах он приспустил окно и сделал знак охране, дежурившей у стеклянной двери магазина. Ветер ворвался в салон внедорожника. Остужая пылающие щеки Ники.

– Выпустите меня. Мне нужно домой, – проговорила она, глядя на приближающуюся охрану.

– Сидите. Я доведу вас. Не хочу, чтобы ветер испортил инвестиции, в которые я уже начал вкладываться.

– Вы всегда такой циничный? – повернулась и посмотрела на него Ника.

Он предпочел не отвечать, да и амбалы уже заняли свои места в джипе. Ника вынуждена была придвинуться к Казанцеву, чтобы дать место самому крупному из них, что занял половину заднего сидения.

– Не бойтесь, я не кусаюсь, – склонился мужчина к ее лицу и прошептал на ухо. А потом добавил: – Пока, – и снова лукаво улыбнулся.

Глава 3

Михаил

– Поехали на объект, – велел Михаил водителю, глядя в спину спешащей к подъезду женщины.

Совместит полезное с необходимым, раз уж оказался тут волею случая, ну или пьянки. Сергеич уже тоже поиздевался сегодня утром, когда позвонил и узнал, куда его занесло. И подтвердил прогноз Виктора, что нелетная погода продержится три дня минимум, а то и больше.

На объекте Михаил провел примерно с час. И как ни странно, все ему там понравилось, разве что некоторое оборудование устарело, и он себе сделал пометку заменить.

Рабочие не жаловались ни на зарплату, ни на условия проживания. Однако сам Михаил не представлял как можно жить в том, что с натяжкой не назовешь домом. Понятно, что большинство тут наездами, пока длится вахта, но это все равно половина их жизни. По поводу общежития он тоже сделал себе мысленную зарубку, как и благоустройства поселка в целом. Асфальтированных дорог тут катастрофически не хватало, разве что, через центр тянулась одна двухколейка. В остальных местах в лучшем случае царила щебенка, а в худшем – люди месили грязь. Ну и здесь совершенно не организован досуг. Даже в глухих деревнях есть клубы и бары, а тут разве что столовая, где он завтракал. В общем, работать есть над чем.

– Что с квартирой? – спросил Михаил Геннадия, который не ходил с ними на объект, а подыскивал жилье.

Оставаться и дальше в общежитии Михаил не желал категорически. Да и сейчас, когда сделал специфическое предложение Веронике, это было невозможно. Не в пыльной же комнате три на три метра им торчать трое суток. А судя по погоде прогуляться явно не получится. Да и куда тут гулять, скажите на милость?

– Нашел в новостройке. Уже приводят в порядок, – доложил Геннадий. – Три комнаты, отдельный санузел... Не дворец, но жить можно. А главное, чисто.

– Бар, холодильник?

– Все будет сделано по высшему разряду.

– Досуг?

– Тоже организуют, – кивнул Геннадий.

Казалось, он понимает Михаила с полуслова. Определенно этот парень ему нравился. Нужно будет рекомендовать его Виктору на повышение или поощрение.

– Что там с сиделкой? – вспомнил Михаил, о чем еще хотел спросить.

Отвлекало его серое небо, что так и притягивало взгляд. Дикий ветер сменился странным затишьем, и Михаил не сомневался, что это затишье перед бурей.

– Уже нашли. Получает последние инструкции и скоро отправится к месту работы.

– Отлично!

Связь тут тоже была аховая. А может, всему виной погодные условия. Как бы там ни было, Виктор смог дозвониться до Михаила только с третьего раза.

– Слушай, ну многое узнать про твою цыпу за такое короткое время не получилось...

– Стой, Вить, не надо, – перебил его Михаил.

– В каком смысле? Тебе она уже не интересна, – хохотнул на том проводе начальник службы безопасности.

– Еще как интересна. Но обо всем она мне расскажет сама.

– Миха, ты что там задумал?

– Долго рассказывать. Но думаю, будет интересно, – улыбнулся он собственным мыслям, представляя себе Веронику.

Как только он отключился, на небе словно кто-то открыл люк, и оттуда повалил снег. Снег в сентябре – уму непостижимо! Как тут живут люди, в этой вечной мерзлоте?

– В магазин! – скомандовал Михаил.

Ехали медленно, и Геннадий всю дорогу чертыхался. Видимость была практически нулевая – дворники не справлялись с залепляющим стеклом снегом

Он и сам не знал, что хочет найти в магазине и чем дальше в нем находился, тем сильнее пропитывался убожеством этого места. Черт! Даже магазина тут приличного нет! Единственный на весь поселок, и тот бестолковый какой-то. Как тут вообще живут люди?..

Список того, что нужно исправить все пополнялся и пополнялся. И дабы не забыть и не откладывать в дальний ящик, Михаил уже дал соответствующие распоряжения по благоустройству нефтяного поселка. Да и нужно успеть сделать основное до зимы, например, дороги.

А быстро распространяются новости по таким вот городишкам. В магазине его встречали как родного, точно зная, кто он. Кто-то просто здоровался и улыбался, а иные вели себя навязчиво, предлагая свою помощь. Не любил всей этой шумихи Михаил.

Что он тут делает? Ищет что-то для Вероники, сам не знает что. Так может, следует пойти по пути наименьшего сопротивления? Что должен любить флорист? Конечно же, цветы. А тут и отдел такой даже есть. Вот цветы он ей и купит – и не как символ чего-то, а просто так, чтобы смягчить суровый нрав. В том, что какое-то время ему с ней придется туго, что она будет зажата до безобразия, Михаил не сомневался. Но ведь даже попытки растормошить ее уже являются частью приключения, которое он замыслил на эти дни.

Выбрав самый огромный букет из всего убогого «разнообразия» букетов, Михаил в сопровождении охранника вернулся в машину и скомандовал.

– Теперь едем к дому девушки. Отведенное ей время подходит к концу, – и если она не глупая, то сделает все правильно, то есть так, как того хочет он. Ну а для пущей уверенности он ей сейчас позвонит.

Ника

Мама спала, когда Ника вернулась из похода в магазин. В комнате царил полумрак, несмотря на то что даже полдень не наступил еще. Погода все портилась, и вот-вот пойдет снег. Об этом говорили темно-серые тучи с белыми прожилками, что шквальный ветер гнал по небу, заставляя угрожающе клубиться.

Примерно так же пасмурно было и на душе Ники из-за разговора с Казанцевым (кажется у него такая фамилия), который и разговором-то назвать можно было с натяжкой. Он ей продиктовал условия, которые она должна будет принять, чтобы у мамы в дальнейшем не было проблем. А в том, что руки у таких, как он, длинные, она почему-то не сомневалась. В который раз пожалела, что мама такая упертая и не хочет жить с ней в Москве. Не было бы их сейчас тут, возможно, избежала бы она этой нежеланной встречи.

А вот о противнике своем желательно знать как можно больше. Как там говорят, осведомлен, значит, вооружен? Ну смысл точно такой.

Тихонько Ника прокралась в свою комнату и включила ноутбук, без которого никуда не ездила. Этот труженик служил ей верой и правдой вот уже пять лет. И она его берегла как могла.

Лишь бы была связь, особенно сейчас, в такую погоду. Со связью тут вообще дело обстояло неважно. Хорошо хоть Ника была в отпуске и компьютер использовала редко и не по работе.

Браузер загрузился, и Ника вбила в поисковую строку «Казанцев Михаил». И тут же страница запестрела его именем, фамилией и фотографиями.

Нефтяной магнат? Почему-то это ее не удивило, наверное, потому что догадывалась уже, что не случайно он забрел в их поселок. То есть, получается, что он тут хозяин всего. Надо сказать, не самый рачительный хозяин.

Ника открыла автобиографию известной не только в экономических, но как выяснилось, и в политических кругах личности.

Что о нем известно? Родился... Ника прикинула, что Казанцеву сейчас тридцать восемь лет. Довольно молод для такого огромного состояния, что позволяет ему держаться на первом месте с списке самых богатых людей страны. Дальше все шло как-то скучно. И почему автобиографии всегда пишутся таким шаблонным и безэмоциональным языком? Хотя, как еще их можно написать, если идет простое перечисление основных периодов жизни человека, да еще и в датах?

Выучился на экономиста. Закончил институт с красным дипломом и три года отработал в банке, сделав стремительную карьеру. Должно быть, все это время копил деньги – это Ника уже дописывала мысленно между строк автобиографии. А потом он занялся алкогольным бизнесом, причем, в основном на деньги инвесторов, не вкладываясь сам. Бизнес тоже резко пошел в гору, и вскоре состояние Казанцева увеличилось во много раз. Вот тогда он начал покупать буровые установки и бурить скважины. Банально до зубовного скрежета. Но как бы там ни было, а миллиарды Казанцев сколотил себе сам. Хотя, и тут может быть лишь доля правды.

Ника захлопнула ноутбук и уставилась в стену невидящим взглядом. Гораздо интереснее ей показалась та часть информации, что не касалась бизнеса Казанцева. Оказывается, в нем течет цыганская кровь, по отцу, который умер, когда они с братом были совсем маленькие. Теперь понятно, откуда такая внешность – смуглый брюнет с ярко-синими глазами. Почти классический красавчик, который, однако, совершенно не умеет себя вести красиво, считая, что богатство позволяет ему любую блажь.

Господи! Ника уронила голову на сложенные на столе руки. Ей-то что делать, на что решиться? Время идет, и из отведенных ей трех часов уже прошла половина. Ведь все это не шутка, и он не отстанет. Он честно признался, что ему скучно, а в ее лице он видит развлечение для себя.

Нет, Ника не боялась насилия или чего-то уж очень неприличного. Не тот человек, не тот уровень. И хоть с такими вот магнатами она никогда раньше не общалась, но не сомневалась, что ничего непристойного он от нее не потребует. Но она не хочет его развлекать днями напролет, пока держится это чертово ненастье! И от того, что вынуждена будет насиловать себя, не в состоянии придумать хоть что-то, чтобы избежать этого, на душе становилось совсем паршиво. Кроме того, она понятия не имела, что скажет маме. Не правду же, в самом деле. Мама ее точно не поймет, разволнуется. А она сейчас не в том состоянии, когда нужны все эти волнения.

О сне Ника и забыла – тот выветрился напрочь после встречи с Казанцевым. Чтобы хоть чем-то занять себя, принялась наводить порядок в квартире, в то время как мысли крутились вокруг одного и того же.

– Пожалела ты его, Машка, – шепотом проговорила, почесав за ушком маленькую тигрицу, что решила отвесить ей порцию ласки и потерялась о ноги. – Надо было мордень ему расцарапать чуть посильнее, – невольно хихикнула, вспоминая, как визжал этот миллиардер с Машкой на лице. – А так он отделался малой кровью.

Да у него и царапин-то уже не было видно. Сидел в машине с холеной и наглой мордой и говорил вопиющие вещи. Скучно ему. Ну подожди – она придумает, как развеять твою скуку по ветру!

– Ты почему не отдыхаешь после смены? – заглянула мама в комнату.

За всеми этими мыслями Ника и не услышала, как она проснулась. Немного успокаивало, что выглядит мама уже практически здоровой. Да и курс уколов подходит к концу, как и кашель ее уже почти не мучает. И все равно, она понятия не имеет, что будет говорить ей,

когда придется уходить из дома каждый день. И как же ее смена? Кто выйдет на работу вместо мамы, если ненастье к тому времени не закончится?

Как раз когда Ника уже собиралась поговорить с мамой, а времени до назначенного осталось совсем ничего, в дверь позвонили.

– Я открою, – крикнула мама.

Кто это пришел? Женский голос не показался Нике знакомым. Она выглянула в коридор как раз в тот момент, когда улыбающаяся и плотненькая женщина произнесла:

– ... Не волнуйтесь, у меня действующий диплом медсестры. Об уходе за больными знаю все. Уколы, капельницы... Я и в монастыре была трудницей два года. Жила там и смотрела за немощными...

– Никочка, я ничего не понимаю, – в растерянности повернулась к ней мама. – Тут вот женщина... говорит, что у тебя какая-то срочная работа, и ты наняла мне сиделку?

Поговорили, называется! Ника едва сдержала досаду, чтобы та не проступила на лице. Нужно было срочно что-то придумывать, да чтобы это что-то выглядело убедительно.

– Вы проходите, – улыбнулась она женщине, что уже тоже начала проявлять признаки растерянности. – А мама сейчас к вам присоединится, я только заберу ее на пару минуточек. Вас как зовут?

– Людмила Ивановна, – представилась женщина.

– А маму мою Елена Матвеевна, – еще шире улыбнулась Ника. – Вы раздевайтесь и проходите в комнату, а мы быстро... – и увела маму в свою спальню.

По пути голову сломала, но так ничего и не придумала.

– Ника, она вообще о чем?

– Мам, тут такое дело... Мне предложили срочную работу...

И в мозгу шелкнуло, а слова из Ники полились как из рога изобилия. Тут же сочинила историю, как ее наняли для декорирования местного бара, в котором вскоре планировалось какое-то очень торжественное мероприятие. И все в таком роде. Наплела даже больше, чем хотела. В такую погоду мама точно из дома не сунется, а значит, ничего проверить не сможет. Противно только, что по вине какого-то уroda ей приходится врать родному человеку, да еще и так бездарно. А начать нужно с того, что она вообще врать не любит.

Не знает, поверила ли ей мама, только Ника толком и сказать ей ничего не дала, а потащила в комнату к медсестре. У нее в запасе оставалось не больше десяти минут, а еще нужно было собраться. И как раз в этот момент зазвонил телефон. Номер на дисплее высветился незнакомый, но Ника почему-то не сомневалась, что звонит навязчивый магнат.

– Надеюсь, ты приняла правильное решение? – прозвучал его насмешливый голос, растягивающий слова.

– Через десять минут выйду, – разговаривать с ним не было никакого желания.

– Сиделка пришла?

– Да.

– Возьми с собой смену одежды, белья и что еще тебе там потребуется да три ближайших дня.

– Зачем? – неподдельно удивилась Ника.

– Затем, что вскоре разыграется буря, который утихнет точно не скоро. Все эти дни ты не будешь выходить из квартиры.

– Как? И ночью?

А вот так они точно не договаривались.

– И ночью, – тут же поступил ответ. – Я думал, ты меня поняла, что арендую я тебя не только на три дня, но и на три ночи.

Михаил

– Черт! А далеко этот дом? – спросил Михаил у Геннадия, когда понял, что до него они рискую не добраться, если так и дальше пойдет.

На улице творилось черте что. Потемнело как ночью. Ветер дул такой, что даже внедорожник трясся под его порывами. Снег все усиливался, и видимость приближалась действительно к нулевой.

– Пара кварталов отсюда. Доползем, Михаил Евгеньевич, наощупь, – усмехнулся охранник и завел двигатель.

Он проехал пару метров вперед и остановился вровень с крыльцом подъезда Вероники, едва ли не задев колесами ступени.

– Это чтобы ее не занесло снегом по пути, – неловко пошутил.

Появится она минут через десять, и теперь Михаил не сомневался, что придет. Ей явно пришлось не по душе сообщение, что и ночи она будет проводить с ним в одной квартире. И он сначала не планировал такого, пока не понял, что деваться некуда. Непогода внесла коррективы и в эти планы. Оставалось надеяться, что она не подумает, что предлагает он ей что-то непристойное. И в мыслях не было. Найти шлюшку он может в любое время. Даже здесь это вряд ли проблема. А вот человека для общения, способного развеять его скуку в часы вынужденного заточения – вряд ли. И эта Вероника сможет, он даже не сомневался. Однако, нельзя исключать и сюрпризы, как приятные, так и неприятные. Но с ними уже будет разбираться на месте. Четкого плана мероприятий у него пока не было. Но именно это и добавляло азарта задумке.

– Как будем поддерживать связь, Михаил Евгеньевич, в случае сбоя сотовой? Может, нам все же стоит занять вторую свободную квартиру в доме? – повернулся к нему Геннадий.

– Исключено! Покутите в общежитии, с Гучковым я уже согласовал этот вопрос. Считаю, Геннадий, что три дня у вас отпуска, а то и больше, – с сожалением добавил.

Вот не к месту эта непогода в его жизни! Брат в больнице, интернет сбоит постоянно. А работать приходится и удаленно. Ну да ладно. Зато, на горизонте маячит что-то свежее и неизведанное доселе, как подсказывала интуиция. Виктор правда возмущался долго и со смыслом, особенно когда узнал, что охрану он на время заточения решил удалить. Но начальника СБ Михаилу удалось убедить, что не маленький и как-нибудь сам справится, что тут не горячая точка, а мирный нефтяной поселок.

Дверь подъезда распахнулась и под порывом ветра едва не слетела с петель. Из подъезда появилась Вероника. Михаил сразу же открыл дверцу машины, и она не мешкая шмыгнула в теплую защиту салона. Он заметил, что с собой у нее небольшая сумка. Н-да, не густо. Если бы на три дня куда-нибудь собиралась его бывшая, то пришлось бы заказывать контейнер точно.

– Поехали, – скомандовал Михаил, и внедорожник тронулся и пополз по скользкой и засыпанной снегом дороге. – Это вам, – выудил из темноты салона он букет и протянул молчаливой попутчице.

– Зачем? – посмотрела она на него непонимающе, но букет все же взяла.

– Просто, – пожал он плечами. – Знак внимания.

– Понятно, – и отвернулась к окну. Разговаривать с ним явно не собиралась.

Ничего, заговорит, потому как выбора у нее не будет, – хмыкнул Михаил и тоже отвернулся, хоть за окном и нечего было рассматривать.

Букет Вероника положила между ними, как своеобразный разграничитель. На этот раз, смогла себе такое позволить, потому что все заднее сидение было в их распоряжении – Артема они забросили в общежитии, чтобы подготовил жилье для себя и своих товарищей по вынужденному заключению и безделью. Но что-то подсказывало Михаилу, что ребята только рады сложившимся обстоятельствам.

Путь в пару километров они преодолевали не меньше получаса. Наконец автомобиль подъехал к пятиэтажному дому, и Геннадий повернулся к нему.

– Третий этаж, квартира тридцать семь. Ключи, – протянул он небольшую связку. – Михаил Евгеньевич, если что, сразу звоните или сигнальте в чате.

– Уверен, это не потребуется. Ген, следи за прогнозом. Готовься вылететь, как только погода позволит. Пошли? – посмотрел на Веронику, и ответом ему послужил ее растерянный и совершенно несчастный взгляд.

На миг почувствовал себя свиньей, но сразу же успокоил тем, что ничего плохого ей делать не собирается. И даже напротив.

Он вышел первый, и пока она собирала букет и сумку, распахнул дверцу с ее стороны. Выхватил сумку, сгреб девушку за руку и потащил к подъезду, пока ветер окончательно не сбил дыхание, а снег не залепил рот и нос. Кошмар, а не погода!

В темном подъезде пара секунд им потребовалась, чтобы прийти в себя и понять, куда идти дальше. Но уже вскоре они стояли перед квартирой с нужным номером. А еще через секунду Михаил отпер дверь ключом и даже без проблем нащупал выключатель на стене.

– Предлагаю осмотреться, – посмотрел он на замершую у порога Веронику.

Она прижимала к себе огромный букет, и явно находилась в какой-то прострации. Волосы ее растрепал ветер, и сейчас такая она показалась Михаилу еще симпатичнее. Только вот, настроение ее ему не нравилось. Складывалось впечатление, что она его боится и готова сбежать при первом же удобном случае.

– Сначала... я устрою их, – отняла она от груди букет и уже более осмысленно осмотрелась.

Дверь в кухню располагалась прямо напротив входной двери. Она-то ей и была нужна, как понял Михаил по удовлетворенному взгляду, и тому, как уверенно она шагнула в темноту. Ладно, не будет ей мешать. Флористка, – хмыкнул и свернул по длинному коридору налево, туда, где должно быть, располагались спальни.

Сразу становилось понятно, что обставляли квартиру второпях. Но в двух спальнях имелось все необходимое для существования тут в течение короткого промежутка времени. И даже кровати были застелены новым постельным бельем. Молодцы ребята – отлично потрудились.

Гостиная показалась Михаилу немного тесноватой, впрочем, должно быть он просто отвык от таких квартир. Но и тут стояли новые диван с креслами и немного мешанская горка. Особенно Михаила повеселили статуэтки и вазочки, расставленные то тут, то там. Явно кто-то пытался создать видимость уюта. Порадовала плазма в полстены и солидная стопка дисков Blu-ray. Будет, что посмотреть на досуге.

Все это время он не заходил на кухню, слыша, как копошится там Вероника. Не хотел ей мешать, дал возможность прийти в себя. Но вот уже несколько минут, как тишину не нарушали никакие звуки, и Михаил решил проверить, все ли с девушкой в порядке.

Она стояла у балконной двери и смотрела на буйство непогоды за окном. Краем глаза Михаил заметил, что на столе в большой вазе красуется его букет. Ну красуется – громко сказано, сам он считал его аляпистым и безвкусным. Должно быть, и утонченный вкус флориста этот букет шокировал. Но цветы были свежими и источали в кухне едва уловимый аромат.

– Не хотите выбрать себе комнату? – проговорил он и заметил, как она вздрогнула.

А потом повернулась к нему.

– Мне все равно, – равнодушно отозвалась.

– Ну тогда оставляю вам ту, что ближе к ванной, – кивнул Михаил, стараясь не раздражаться от ее отрешенности.

Теперь уже дело принципа растормошить эту снежную королеву. И он непременно это сделает. И хватит уже с ней деликатничать!

– Часа хватит на то, чтобы разложить вещи и сделать все то, что считаете необходимым?

– Наверное, хватит.

– Ну тогда, через час жду в гостиной, обсудим план действий, – и сам поспешил скрыться в спальне, пока не наговорил лишнего.

Ника

Он скрылся в гостиной, и Ника осталась на кухне одна. Какое-то время она продолжала бездумно озираться, а потом подхватила с пола свою сумку, другой рукой обняла вазу с цветами и отправилась на поиски комнаты, которая на время должна стать ее личной территорией. Оставалось надеяться, что этот... (она терялась, не знала, как называть этого мужчину даже про себя) не нарушит ее границы. И об этом ей тоже предстоит поговорить с ним, чтобы расставить все точки над «и».

Что он там говорил – что ее комната ближняя к ванной? Скажите на милость, сколько чести. И чем она ее заслужила? Что ему вообще от нее нужно?!

Когда раскладывала вещи по ящикам комода, почувствовала, как руки дрожат от негодования, что плескалось в душе. Ну как?! Как можно считать себя в праве распоряжаться жизнью и временем совершенно посторонних людей? Да если бы не мама, ни в жизнь она бы даже разговаривать с ним не стала. С ней лично пусть делал бы, что хочется, но маму трогать нельзя. Мама вообще ни о чем не должна догадаться. Иначе, страшно представить, что она может подумать о дочери.

Когда те несколько вещей, что впопыхах сунула в сумку, были разложены, Ника занялась цветами, чтобы скоротать время. Цветы в букете были замечательные – ее любимые герберы, символ ранней осени. Но вот декорирован букет был ужасно безвкусно. Зачем тут нужны еще и полевые цветы, которые уже подвядают? Эх, ей бы сейчас сюда листья папоротника или пальмы, могла бы создать незабываемую красоту. А если еще добавить несколько тоненьких прутьев, самых обычных, осиновых или березовых, то букет заиграет новыми красками. И ваза таким цветам нужна прозрачная шарообразная с уложенной на дно гидратированной пеной, смоченной водой. И тогда букет будет жить не меньше двух недель. А так он протянет дней пять, не больше.

Ника любовалась плодами своих трудов, когда поняла, что время вышло и пора идти на встречу в гостиной. И смех, и грех, честное слово! Но в такой идиотской ситуации она еще не оказывалась. Ладно хоть на час получилось забыться.

Собрав мусор в пустой пакет, она вернула вазу с цветами на кухню и замерла на пороге гостиной. Почему не раздается ни звука? Кстати, она и когда была в своей комнате, тоже ничего не слышала. Уснул он что ли? Только подумала, как раздался его голос:

– Гостиная – общая территория, так что, не стесняйся, входи смело.

Снова он над ней насмехается. Это уже порядком надоело!

– Я и не стесняюсь. И не помню, чтобы мы переходили на «ты», – шагнула она в гостиную и сразу же заняла кресло, что находилось подальше от дивана, на котором восседал Казанцев.

Он, оказывается, типа работал. По крайней мере, рядом с ним стоял раскрытый ноутбук. Свой Ника тоже взяла с собой. Если уж торчать здесь, то со смыслом.

Казанцев встал с дивана, приблизился к ней и занял соседнее кресло. Зря она старалась увеличить по максимуму расстояние между ними. Теперь их разделял разве что небольшой журнальный столик. Так мужчина еще и его сократил – облокотился на тот столик и стал еще ближе. Ника предпочла на него не смотреть, тогда как он продолжал ее нахально разглядывать.

– Мы будем какое-то время находиться на довольно тесной территории. Как думаешь, не лучше ли перейти на более неофициальное общение?

– Я этого общения не искала и не хотела.

– Но тем не менее, ты согласилась.

- У меня не было выбора, – вынуждена была посмотреть на него Ника.
- Выбор есть всегда...
- О чем вы говорите?! – перебила его Ника. – Речь шла даже не обо мне...

– И ты согласилась. И теперь ты здесь, – кивнул он, даже не собираясь спорить. Видно, правда всегда и во всем была на его стороне, как он сам считал. Нике стало так противно, что она не сдержалась и скривилась. От него это, конечно же, не укрылось. – Хочешь ты того или нет, но ты будешь здесь и со мной, пока я не смогу уехать. И советую тебе с этим смириться ради себя же, – жестко закончил и встал с кресла.

Какое-то время он стоял у окна, и у Ники была возможность рассмотреть его получше. Высокий, статный... Наверное, мог бы считаться красивым, если бы не позиция «мне можно все». Последнее стирало все возможные плюсы, превращая их в один жирный минус. Нельзя так обращаться с людьми, как и использовать власть в личных целях.

- Я бы поел... А ты? – повернулся он к ней.

Ника не ожидала, что он так резко сменит тему.

- Я не голодна, – ответила.

– Приготовишь что-нибудь, пока я поработаю? Холодильник должен быть затарен, насколько я знаю.

Кажется, он вообще не слышит ее. И делает это намерено.

Нике не хотелось готовить для него, но еще меньше испытывала желание видеть его и находиться в его обществе. И сбежать на кухню – не самый плохой предлог.

- Хорошо, я приготовлю, – кивнула она. – Но сначала скажите, что мы тут будем делать?

– Общаться, узнавать друг друга получше, развлекать друг друга, – одарил он ее лучезарной улыбкой, что не затронула ни единой струны в душе. Разве что, раздражение вспыхнуло с новой силой.

- Я не хочу развлекать вас и узнавать лучше!

– Придется. Пока на улице эта дрянь, ты будешь здесь, со мной. И начни уже говорить мне «ты», так будет проще тебе же.

Ну что ж, ты так ты. В конце концов, он первый начал.

– Ты сказал, что у тебя есть план, – проговорила Ника, прежде чем скрыться от него на кухне. – В чем он заключается?

- Мой план – не сойти с ума в вынужденной изоляции. И ты мне в этом поможешь.

И вот о чем с таким можно говорить? Ника встала и направилась на выход. Но в дверях ее снова остановил его голос:

- Чуть не забыл... Ты, надеюсь, свою кошку-убийцу не притащила сюда?

– Была такая мысль, – обернулась она, снова не в силах сдержать улыбки, когда вспомнила его с Машкой на лице, – но жалко стало животинку. Для нее повторное свидание с тобой было бы настоящим стрессом, – и побыстрее скрылась в кухне.

Пусть теперь обтекает, не все ему говорить ей гадости.

Холодильник, а вернее его начинка, впечатляла. Чего тут только не было! В принципе, запросто можно продержаться не меньше недели. И что особенно радовало, так это замороженные полуфабрикаты. Не то чтобы Ника не умела готовить. Можно даже сказать, что временами она любила это делать. Но для того, кто притащил ее сюда, совершенно не хотелось стараться. Именно поэтому она достала упаковку котлет. Пожарит их – пусть ест, да не подавится. А на гарнир сварганит макароны. И ладно, так уж и быть, к макаронам сделает свой фирменный томатный соус с зеленью. Но не ради него, а ради себя – терпеть не могла есть сухие макароны.

Через полчаса по квартире уже всюду витали ароматы пищи, а у Ники все было готово. Стол сервировала на двоих – сама тоже успела проголодаться.

- Кушать подано, – заглянула в комнату, где Казанцев трудился за своим ноутбуком.

Хотела было еще картинно поклониться, но от излишней клоунады удержалась. Мало ли, как он к этому отнесется, тогда как она общение с ним решила свести к минимуму.

Глава 4

Михаил

Интернет пропадал постоянно. Как работать в таких условиях? И не работать он тоже не может, отвык уже. А может, и правда, послать все к черту на несколько дней, забыть о работе и окунуться в общение с красавицей, которая постоянно выпускает шипы в его присутствии. А ему это даже нравится, интересно будет укротить ее, превратить в ласковую и послушную.

Михаил захлопнул ноутбук за секунду до того, как Вероника заглянула в гостиную. От запахов пищи уже и мысли улетели далеко от работы. Ну и образ девушки, что хлопотала на кухне, не оставлял в покое.

– Кушать подано.

Заглянула Ника и тут же скрылась, даже не оценив его реакцию. То бишь, улыбка, которую он налепил на лицо, осталась ею незамеченной.

Первым, что бросилось в глаза, стал букет, в котором Михаил даже сразу не узнал подаренный им. Надо же, какое преображение! Да если бы он увидел такой букет в бутике, то на другие уже и смотреть не смог. Он даже понять не мог, что именно в нем изменилось, но сейчас букет выглядел изящным, а до этого аляповатым. Ну и стоял он в центре стола, по всей видимости, для того, чтобы отгораживать их друг от друга. И стулья она расставила с противоположных сторон. Вот же хитрюга!

Недолго думая, Михаил взял один из стульев и поставил его с торца стола. На другой кивнул замершей возле раковины Веронике.

– Присаживайся, не тушуйся. Обещаю кусать котлету, а не тебя.

Никак молча опустилась на стул, никак не прокомментировав его действия.

Так-то лучше – теперь между ними был только угол стола, и сидела девушка к нему так близко, что он мог рассмотреть даже крохотные веснушки на ее личике. Хорошенькая до чертиков! Так и хочется попробовать ее на вкус.

Котлеты, макароны и какая-то красная бурда в отдельной миске, выглядевшая не очень аппетитно. Не густо и убого. Совсем не та пища, к которой он привык. Но за неимением лучшего...

– Что это? – указал Михаил на бурду. Еле сдержался, чтобы не скривиться.

– Соус к макаронам. Моего изобретения, – без тени улыбки добавила Ника.

Выглядела она напряженной до крайности. Даже аппетит немного портила своим видом. Хоть бы раз улыбнулась или просто расслабилась. Так нет же, сидит с прямой спиной, чинно положив руки на стол и смотрит в одну точку. Скучная матрона, не иначе. И он бы мог так думать и дальше, если бы не был уверен в обратном. В этой девушке чувствовалась скрытая энергия. И задачей Михаила на ближайшие дни – было высвободить ее из плена, позволить ей поразить его.

– Ну, попробуем твой соус, – пробормотал он и зацепил двумя вилками горку спагетти.

Сразу много соуса добавить не рискнул, зачерпнул одну ложку и полил им край спагетти. Перед тем как отправить в рот накрученные на вилку макароны, принюхался. Пахло вкусно, а вот на вкус...

Боженьки! Ум можно отъесть, как вкусно! Вот уж чего он даже близко не ожидал.

– Что ты добавила в соус? – посмотрел на Нику.

Она как раз тем и была занята, что аккуратно поливала соусом всю поверхность спагетти на своей тарелке.

– Ничего особенного, все, что нашла, – пожала она плечами, не глядя на него.

– Очень вкусно! Блюдо, достойное ресторана, – вынужден был признаться Михаил, хоть и не хотелось этого делать из вредности.

– Рада, что угодила, – бросила Ника на него мимолетный взгляд.

– Если рада, то почему не улыбаешься? Ведь улыбка – это и есть признак радости.

– Для улыбки нужны причины и настроение. Я же этого не испытываю, – ровно отозвалась она.

Вот же бука! А ему хотелось увидеть улыбку на ее лице. Ужасно хотелось!

– И что же способно заставить тебя улыбнуться?

– Извини, не веду списка. Улыбка – это эмоция, и ее не запишешь.

– Умничаешь, значит? – хмыкнул Михаил. – Ну-ну...

Больше он ничего не сказал, хоть Ника и явно ждала этого, судя по тем взглядам, что временами кидала на него. Он же продолжал есть молча, но это совершенно не мешало ему разглядывать ее.

Нет, она даже больше, чем просто хорошенькая. Она красива и будит желание. До зуда в пальцах. Хочется смотреть на нее и смотреть, а еще лучше прикоснуться, чтобы окончательно впитать в себя ее образ. Эти ее волосы, ни светлые и не темные, зато с рыжим отливом. Как изящно смотрится ее личико в их обрамлении. И глаза – большие, глубокие, темно-карие. Такие темные, что не поймешь, что прячется на их дне. Только вот бледная она какая-то, а еще унылая. И унылость ее вымораживает.

– Так и будешь молчать? – невольно вырвалось у него.

– Когда я ем, я глух и нем. Знаешь такую поговорку? – усмехнулась Ника одними губами, в то время как глаза ее продолжали хранить серьезность.

– Не вышла из садикового возраста? – вдруг вспыхнул Михаил, чему и сам удивился. – Но тебе придется заговорить со мной.

– Даже так? Пытать меня собираешься?

– Вопросами, детка. А ты о чем подумала? Вот сейчас покончим с трапезой и займемся делом. Я буду задавать тебе вопросы, а ты – на них честно отвечать.

– И в честь чего? – посмотрела она ему прямо в глаза.

Странное чувство испытал Михаил от ее взгляда – в душу его словно просочилась капелька тепла, хоть теплым взгляд ему и не показался. Но, наверное, всему виной цвет ее глаз – в свете бра он казался очень теплым, хоть и темным.

– А это часть развлекательной программы, на которую ты подписалась.

– Ты хотел сказать, на которую ты меня заставил согласиться шантажом? – презрительно скривила она губы.

– Не драматизируй, детка. Взамен я тебе готов подарить собственное приятное общество. И тоже могу развлечь тебя, только попроси.

– Еще чего! – резко отвернулась она. – Я сама себя умею развлекать.

– Неужели?..

Ведет себя, как ребенок. И рассуждает примерно так же. Смешно, ей-богу.

– И как же ты себя развлекаешь?

– Тебя это точно не касается! – выпалила она и вскочила из-за стола.

Михаил успел разглядеть на ее щеках румянец. Смutilи ее, что ли, его вопросы? Но никакого пошлого подтекста он в них точно не вкладывал.

– Ты поел? – включила она воду и вытряхнула в мусорное ведро остатки спагетти со своей тарелки.

– Да, спасибо! – протянул ей Михаил свою тарелку, тоже наполовину пустую. – Соус вкусный, а вот все остальное не очень.

– Ну простите – кулинарные шедевры я точно не обещала, – съехидничала Ника, снова не глядя на него.

Последняя ее реплика заставила Михаила сделать кое-что из разряда запрещенного. Он приблизился к Нике со спины и прижал ее своим телом к раковине. Она вздрогнула и замерла, а на ее изящные кисти рук продолжала литься вода из крана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.